

СЛЕД

ВАЛЕРИЙ
ШАРАПОВ

НА КАБАНЬЕЙ ТРОПЕ

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Валерий Шарапов
След на кабаньей тропе

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

След на кабаньей тропе / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2023 — (Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив)

ISBN 978-5-04-196662-1

За короткое время на Псковщине от рук неизвестного преступника погибают сразу несколько человек. Среди них — второй секретарь горкома партии и местный участковый. Расследование этого громкого дела поручено майору милиции Павлу Звереву и его помощнику Вениамину Костину. Сыщики выясняют, что погибшие были фронтовыми товарищами и в мирное время иногда встречались, чтобы вместе поохотиться. Кому же могли насолить ветераны? Или это диверсия против партработников? Зверев отработывает одну версию за другой, пока не сталкивается с новым, тщательно замаскированным страшным преступлением... Уникальная возможность вернуться в один из самых ярких периодов советской истории — в послевоенное время. Реальные люди, настоящие криминальные дела, захватывающие повороты сюжета. Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Место встречи изменить нельзя». Дух времени, трепетно хранящийся во многих семьях. Необычно и реалистично показанная «кухня» повседневной работы советской милиции.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196662-1

© Шарапов В. Г., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая. Войно́в	9
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Часть вторая. «Зверобой»	33
Глава первая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валерий Шарапов След на кабаньей тропе

© Шарапов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

г. Псков, послевоенные годы.

Сегодня в столовой авторемонтного завода было многолюдно. Отстояв длинную очередь, Павел Васильевич набрал полный поднос еды, расплатился и занял одно из свободных мест возле кассы. Рядом со Зверевым, ссутулившись, сидел, поедая суховатый шницель с перловкой, хмурый скуластый мужичок в засаленной куртке, тут же напротив устроились две полноватые тетки в синих халатах. Женщины ели лапшу и при этом с набитыми ртами довольно бурно обсуждали вышедший недавно на экраны страны художественный фильм «Алитёт уходит в

горы»¹. Мужик в куртке ел молча и то и дело бросал косые взгляды то на словоохотливых «дамочек», то на восседавшего за столом Зверева, поедавшего грибную солянку. Когда Павел Васильевич доел свой суп и взялся за оладьи, он вдруг услышал какой-то непонятный шум.

Обернувшись, Зверев увидел своего подчиненного – молодого оперативника Веню Костина. На груди у парня висел огромный морской бинокль в кожаном футляре, на боку болталась брезентовая сумка с ярко-красным крестом на клапане. Вид у парня был явно растерянный, он тяжело дышал.

Шагая между столами, Костин постоянно вытягивал шею и вертел головой. Он кого-то искал, при этом бубнил что-то под нос, беззвучно шевеля губами. Кого ищет Веня, догадаться было нетрудно, но Зверев и не думал окликнуть парня. Он все так же молча ел оладьи, сдерживая лукавую улыбку. Веня налетел на какой-то столик, едва не снеся с него посуду, извинился перед дамочкой, миску которой он едва не разбил, и наконец-то отыскал взглядом Зверева. Веня тут же бросился к его столику, оборвав на полуслове словоохотливых киноманок – соседок Зверева.

– Пал Васильевич, ну наконец-то тебя нашел!

– Не пойму я что-то. Ты в дальнее плавание собрался или на курсы санитаров? – усмехнулся Зверев.

– На место происшествия я собрался! Бросай все и поехали! Дело срочное!

Зверев и глазом не повел.

– Не видишь? Я ем...

– Потом поешь, у нас чепэ! – Буквально выкрикнув это, Костин схватил с подноса стакан с компотом и опустошил его наполовину. Тут уже Зверев возмутился.

– А ты не обнаглел, Венечка? А ну оставь в покое мой компот! Хочешь пить, становись в очередь и на кассу.

Костин, который терпеть не мог, когда его называли Венечкой, на этот раз вовсе не обиделся, а схватив освободившийся по соседству стул, подсел к Звереву.

– Не нуди, Василич! Говорю же, у нас чепэ!

– Уж не знаю, что там у вас случилось, но, если ты сейчас же не оставишь в покое мой компот, я тебя этим же стаканом по голове тресну! А потом косточки от абрикосов твоим лбом колоть стану...

Услышав столь необычную угрозу, соседки Зверева тут же напрочь забыли про «Алитета» и его горы и моментально закрыли рты. Скуластый мужичок поперхнулся, еще сильнее ссутулился и притянул поближе свою тарелку. Костин же, судя по всему, совсем не испугался:

– Ладно-ладно! Треснешь, конечно! И косточки абрикосовые поколешь, только потом! А сейчас бросай все – и поехали! Все уже в автобусе, ждем только тебя!

Зверев и не думал отрываться от еды.

– Кто это – все? – спросил майор, с явным раздражением макая кусочек оладьи в сметану.

– Оперативно-следственная группа! Говорю тебе: у нас убийство всесоюзного масштаба!

– Так уж и всесоюзного?

– Всесоюзного! Думаешь, я шучу?

Зверев взял опробованный Веней компот из сухофруктов, поморщился и отодвинул его в сторону.

– Так я же не вхожу в состав вашей дежурной группы? Я вообще-то...

– Теперьходишь.

– С чего это?

– Так Корнев решил.

¹ «Алитет уходит в горы» – художественный фильм 1949 года, поставленный по одноименному роману Тихона Семушкина.

Зверев фыркнул и, скорчив кривую улыбку одной из плящущихся на него толстушек, снова посмотрел на Костина:

– Да что ты говоришь? Корнев так решил? А у меня он спросил? Хотя... Что там у вас... убийство?

– Убийство!

– Всесоюзного масштаба?

– Точно!

– Ну тогда само собой! Как же тут без меня?

Зверев все-таки допил свой компот, съел лежавший на дне стакана абрикос и выплюнул косточку в тарелку. Он снова посмотрел на соседок, которые все еще глазели на него, и Зверев не мог понять, обрадованы ли они тем, что он не выполнил свою угрозу насчет косточек, или нет, и снова уставился на Костина.

– А без меня что... совсем никак? А то у меня планы...

Веня вскочил и прокричал на весь зал:

– Да какие, к черту, планы, Василич! Начальник рвет и мечет! Ты хоть знаешь, кого убили?

Зверев тут же нахмурил лоб.

– Ты чего орешь? Совсем уже...

Опомнившись, Костин глянул по сторонам и увидел целую вереницу перепуганных посетителей, которые тут же перестали жевать и уставились на их столик. Веня пригнулся к Звереву и прошептал так, чтобы только тот его услышал:

– Убит Войнов! О случившемся уже доложили в Москву! Корнев в отчаянии! Начальник главка в бешенстве! От нас требуют хотя бы первичную информацию, а мы тут с тобой компоты распиваем!

Зверев цокнул языком.

– Войнов, говоришь, убит? Второй секретарь горкома? Да уж, тут и впрямь дело нешуточное! А чего же вы тогда резину тянете? Отправлялись бы без меня, а я бы позже подъехал.

– Куда бы ты подъехал? Дежурка занята, а других свободных машин нет.

– Так я бы сам на общественном...

– На каком общественном? Знаешь, где Войнова убили?

– Где?

– В Славковичах!

– В Славковичах? Это же в сотне верст от города.

– Все правильно. Сам ты туда не доберешься! – Веня схватил со стола несколько салфеток, обернул ими две оставшиеся на тарелке Зверева оладьи и вышел из-за стола. – Поэтому поехали, доешь свои оладьи по дороге!

Все вокруг словно застыли, и, прежде чем Зверев попробовал что-то возразить, Костин, прижимая к бедру санитарную сумку, уже двинулся к выходу.

– Вот же засранец... – процедил сквозь зубы майор.

Этим вечером у него и в самом деле была назначена встреча с одной хорошенькой особой по имени Юлиана – довольно миленькой брюнеткой со стрижкой гарсон и чудными пухлыми губками. Именно поэтому Зверев в этот момент и в самом деле немного злился. Тем не менее он встал и двинулся вслед за Веней. Когда Зверев вышел из столовой, в обеденном зале все еще царил гробовая тишина.

Часть первая. Войно́в

Глава первая

Дорога виляла между холмами. Зверев, надвинув на лицо кепку, сидел у окна и клевал носом. За спиной майора сидели эксперт псковского управления милиции Леня Мокришин и кинолог Геннадий Логвин. Справа от Логвина в проходе на полу автобусного салона устроилась служебная овчарка оперативного отдела по кличке Бармалей. Также в автобусе помимо водителя ехали опера: Костин, Горохов и Евсеев.

Руководителем оперативно-следственной группы являлся старший следователь Виктор Константинович Кравцов, он сидел как раз за креслом водителя, тяжело сопел, что-то бурчал и постоянно поправлял очки. Время от времени Зверев открывал глаза и из-под козырька наблюдал за Кравцовым. То, что плохое настроение старшего следователя вызвано его присутствием, Зверев прекрасно понимал и втайне радовался этому. Всякий раз, когда начальник псковской милиции полковник Корнев требовал привлечь Зверева к тому или иному расследованию, Кравцов этому противился и негодовал. Ведь непосредственное участие Зверя в группе определенно подрывало авторитет Кравцова и, безусловно, мешало старшему следователю вести дело так, как ему хотелось бы. Слишком уж своенравным и беспринципным, по мнению Кравцова, был Пашка Зверев, которого в управлении псковской милиции почти все за глаза называли Зверем.

Почетное место справа от Зверева, разумеется, как всегда, занял неизменный помощник и любимец легендарного майора старший лейтенант Костин. Веня уже доел купленные Зверевым в столовке оладушки, кусал губы и постукивал пальцами по лежавшему у него на коленях футляру, в котором находился старый морской бинокль. Веня – истинный крымчанин и уроженец города Керчи – в годы войны служил в морской пехоте и называл род войск, к которому себя причислял, не иначе как «полосатым десантом».

Когда автобус, везущий опергруппу, миновал развилку, Костин как будто что-то вспомнил и вынул из нагрудного кармана газету.

– Ах да, смотрите, что я нашел! – обратился он к Звереву и стал читать вслух заметку из местной газеты. Все тут же устались на Веню.

Статья, которую Веня где-то раздобыл перед самой поездкой, была полугодовой давности, но у большинства сидящих в автобусе она вызвала определенный интерес. Заметка была посвящена биографии и деятельности убитого накануне Войнова, кроме того, под заметкой было опубликовано фото самого второго секретаря – молоджавого темноволосого мужчины средних лет.

– «Михаил Андреевич Войнов родился в тысяча девятьсот двенадцатом году в селе Славковичи Псковской губернии, в семье столяра. После окончания школы перебрался в Псков, с тридцать первого по тридцать шестой служил в Красной армии в артиллерийском полку. После демобилизации работал старшим кладовщиком на фабрике «Шпагат», в июне сорок первого ушел добровольцем на фронт. Воевал на Северо-Западном и первом Белорусском фронте, дошел до Берлина, был дважды ранен, награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды. В сорок третьем Войнов вступил в ВКП(б) и прошел путь от рядового-стрелка до командира сорокапятимиллиметрового орудия, получив звание старшего сержанта. После возвращения в родной Псков перешел на партийную работу, пройдя путь от инструктора до второго секретаря Псковского горкома партии», – закончив читать, Костин сунул газету в нагрудный карман и дернул Зверева за рукав. – Ну что, Пал Василич, что думаешь на этот счет? Неужели диверсия?

– А я откуда знаю? Приедем на место, тогда будем наработывать версии.

Костин махнул рукой, снова вытащил из кармана газету, повернулся к сидевшему за его спиной Лене и попытался что-то ему сказать, но тот тут же замахал руками.

– Отстань! Уж больно много суетишься.

– Так как же?

Леня отвернулся и по примеру Зверева надвинул на нос шляпу. Веня обиженно скривился, убрал газету и, достав бинокль, принялся через него изучать окружавший их ландшафт.

Когда они миновали Крюково и автобус свернул на грунтовку, полил дождь. Мокришин и Логвин переглянулись.

– Ну все, пиши пропало, все следы смоем, – покачивая головой, заявил эксперт.

– Дождь вроде несильный, может, обойдется, – попытался успокоить товарища Логвин, однако по его лицу было видно, что он тоже не особо верит в сказанное.

– А это все потому, что кто-то во внеурочное время пошел в столовую и никого не предупредил, – впервые за всю поездку подал голос Кравцов.

Зверев, безропотно приняв «камень в свой огород», хмыкнул и тут же отметил про себя: «Наверно, старею...»

В былые времена Зверев бы не простил такое ни Кравцову, ни еще кому-либо, однако в последнее время он отмечал про себя, что стал более сдержанным. «И, разумеется, мудрею...» – успокоил себя сыщик. Рассуждая о случившемся, Зверев в самом деле задремал и очнулся ото сна, когда Костин в очередной раз дернул его за рукав.

Автобус въехал в деревню. Водитель Гриша Панюшкин остановился возле ближайшей хаты, вошел во двор и поинтересовался, где дом Войнова. Спустя несколько минут, когда Гриша доставил всех до конечного пункта назначения, прибывшие стали выходить из автобуса. Дождь все еще накрапывал, на горизонте появилась радуга. Зверев тоже вышел из автобуса и огляделся: «Посмотрим, как живут вторые секретари райкома».

Добротный дом был окружен невысоким плетеным забором и мало чем отличался от прочих домов. Резные ставни, высокое крыльцо, крыша из потемневшей от времени липовой дранки; посреди двора между сараем и покосившейся времянкой был установлен срубовой колодец с воротом и двускатной крышей. Когда Зверев открыл калитку и очутился во дворе, на крыльце появился скуластый, среднего роста паренек в синей милицейской форме.

– Вы из районного управления? Моя фамилия Ломтев... младший сержант Ломтев. – Парень козырнул Звереву.

– Майор Зверев, – представился тот. – Ты местный участковый?

– Участковый у нас капитан Пчелкин, а я его помощник.

– А сам участковый где?

– У себя дома, где ж ему быть? У Пчелкина хата на дальнем краю села. Я за ним, как только ваш автобус увидал, тут же Егорку послал. Егорка – это соседский малец, он у нас прыткий, так что скоро Пчелкин подойдет, не беспокойтесь.

– А я и не беспокоюсь. Где труп?

Ломтев подозвал гостя к колодцу и указал на лежавшее на земле тело, прикрытое большим куском брезента.

– Наш местный фельдшер засвидетельствовал факт смерти, а Пчелкин сказал пока ничего не трогать. Оставил меня здесь и пошел на главпочтамт вам звонить.

– А потом твой Пчелкин домой пошел?

– Ну, нет, сначала сюда вернулся, осмотрел все, ну а потом ушел. А чего ему здесь столько времени торчать, тем более что у него жена приболела.

– Ясно.

Зверев приподнял брезент и взглянул на труп.

Убитый был бледен, лицо исказила гримаса боли. Во всем остальном второй секретарь псковского горкома партии полностью походил на свое фото, которое было опубликовано в найденной Костиным газете. Чуть меньше сорока, правильные черты лица, тонкие темные усики, выгнутые дугой брови. Зверев потянул брезент и увидел два кровавых пятна.

Сыщик повернулся к прибывшим коллегам и помахал рукой.

– Приступайте, – распорядился Зверев и отвел в сторону Ломтева. – Ну, рассказывай, что да как! Мне доложили, что есть свидетели.

Младший сержант закивал.

– Файка все видела, Войнова же прямо у нее на глазах застрелили. Файка – это Фаина Истомина, их соседка. Она вон в той хате живет. – Ломтев указал на один из домов.

Зверев тут же поманил Костина рукой.

– Слышал? Давай-ка сюда эту Файку.

Пока Веня ходил за свидетельницей, Зверев курил, прикрывая папиросу ладонью, так как дождь еще накрапывал.

– А народец у вас тут не особо любопытный. Все по домам сидят, – отметил между делом майор.

– Так разошлись уже, много же времени прошло. Пчелкин как увидел, что здесь едва ли не полсела собралось, всех разогнал!

– И все его тут же послушали? – усомнился Зверев.

– А то как же? Он у нас мужик суровый.

Спустя пять минут Веня вернулся с круглолицей грудастой бабой лет сорока, облаченной в цветастый халат и с синей косынкой на голове. Когда та вошла во двор, испуганно озираясь, Зверев подозвал женщину к себе.

– Здравствуйте, моя фамилия Зверев, а вас Фаиной зовут?

– Фаина... Фаина Истомина...

– А по бабушке?

– Фаина Мироновна, – глядя, как Леня Мокришин осматривает раны убитого, женщина поморщилась и перекрестилась.

– Расскажите мне, Фаина Мироновна, подробно, что здесь произошло?

Истомина еще раз перекрестилась и затараторила:

– Так по утрам дело-то было. Я как Зорьку свою подоила – Зорька – это, стало быть, корова моя, – так сразу к Войнову и пошла. У меня Михал Андреич молоко покупает, вот я и пошла. У них-то ведь своей скотины нет, а молочко Михал Андреич свеженькое любит попить. Вот я ему всякий раз, когда он из города приезжает, молочко и таскаю. А чего не таскать? Зорька наша, она молока много дает. Нам хватает и еще остается. Не то что Люська. Люська – это наша прежняя корова...

– Давайте по делу, гражданочка! – перебил Зверев. – Про Люську и Зорьку мы с вами как-нибудь в другой раз поговорим, а сейчас давайте уж про Войнова!

Файка закивала.

– Ну да, ну да. Так вот про Войнова! Мишка Войнов сам-то из местных, это теперь он у нас не живет. Они ведь у нас теперь люди городские, Зоя Павловна, стало быть, это жена его, всегда городской была, а сам Войнов, он ведь, как я уже говорила, из местных. За последние годы большим человеком стал. У нас даже в клубе его фотографии висят...

– А Войнов часто сюда приезжает? – снова перебил Зверев свидетельницу.

– Да нет. Ну раз, ну два за сезон.

– Один приезжает?

– Обычно с Зоей Павловной – с женой.

– А дети у них есть?

– Нет, не успели завести. Они лишь года два как поженились. А может, не хотели?

Зверев понимающе кивнул.

– На чем приезжают?

– На автомобиле. Водитель их привозит. Машина у них черная, а водителя Юркой зовут, а вот фамилии не знаю. Юрка этот весь важный такой, щеки вечно надует и сычом на всех глядит. Он Войновых обычно по пятницам привозит, а в воскресенье вечером забирает.

– А в этот раз Войнов тоже с женой был?

– В этот раз один приезжал. В пятницу вечером Юрка самого Войнова привез, а в воскресенье не забрал. Я когда в субботу им молоко носила, он сказал, что отпуск у него, так что он собирался аж на неделю у нас задержаться.

– То есть вы с Войновым общались в субботу?

– И в субботу, и в воскресенье. Говорю же, когда он здесь, он каждый раз у меня молоко берет.

– Ясно. А вы ничего странного в поведении вашего соседа не заметили? Может, нервничал он или еще что?

Файка задумалась.

– Да нет, все вроде как обычно было.

– С выходными понятно, что потом?

– Сегодня у нас понедельник, я утром корову подоила и молоко им принесла.

– Во двор вошли и...

– Нет, не входила. Михал Андреич не особо любил, чтобы к ним во двор соседи без особой надобности являлись! Я обычно молоко ему через калитку подавала. Забор у них высокий, а калитка обычно заперта, но зато колокольчик есть. Я и сегодня, как обычно, подошла, позвонила, а он вскорости вышел, но до калитки уже не дошел. – Женщина покачала головой. – Как только с крыльца спустился, слышу: «Бах! Бах!» Я гляжу, а его аж назад отбросило. Потом вижу, упал он на землю, скрючился весь. Ну тут я все и поняла...

– Что поняли?

– Что стрельнули в него! Я кровь на нем увидела – и в крик. Тут соседи прибежали: Томка Дудина, Клавка Сибирка с Авдотьей Романовной, а еще дед Тимофей с Лешкой Пахомовым. Ну а позже чуть ли не все село сюда явилось. Столпились у крыльца, но во двор пойти не решаются, да и калитка заперта. Чтобы отворить, через забор лезть нужно. Потом участковый Володька Пчелкин явился. Меня домой прогнал, да и всех остальных тоже.

Зверев огляделся, прикинул в уме, что да как.

– То есть вы слышали два выстрела?

– Два!

– И когда Войнов получил две пули, он стоял спиной к дому. Так?

Женщина вопросительно посмотрела на Ломтева и пожала плечами.

– Вроде так...

– Так вроде или точно?

– Точно... спиной к дому стоял.

– И стрелявшего вы не видели?

– Нет, не видела.

– Ну хорошо.

Зверев снова огляделся, и его взгляд остановился на высоком покосившемся строении, расположенном неподалеку от дома убитого.

– Это старая колокольня, – тут же пояснил Ломтев. – Ее еще при старом режиме отстроили, сейчас пустует.

Зверев перевел взгляд на Костина, который все это время стоял рядом и внимательно слушал рассказ Истоминой.

– Где там твой бинокль? – Зверев навел бинокль на колокольню. – Ну, что думаешь?

– Похоже, стреляли оттуда, – согласился Костин.

– Так, Вениамин, проводи-ка гражданочку до дома и запротоколируй ее показания, а мы с товарищами прогуляемся.

Костин и Файка Истомина удалились, а Зверев снова подошел к лежавшему на земле телу. Леня Мокришин все еще щелкал фотоаппаратом. Неподалеку стоял Логвин со своим Бармалеем и с виноватым видом поглядывал на Зверева.

– Зачем мы только сюда тащились? Кого искать, ума не приложу. Бармалей ничего не унюхал. Дождь все следы смыл.

– А вот и ошибаешься, Гена! Сейчас мы с тобой и твоим питомцем прогуляемся вон до того строения, – Зверев указал на колокольню, – и я уверен, что у нашего Бармалешки сегодня появится шанс проявить себя с самой лучшей стороны.

Глава вторая

Заброшенная колокольня, так заинтересовавшая Зверева, некогда была частью местного храма, разрушенного еще до войны. Она представляла собой вытянутое строение из красного покрошенного местами кирпича, верхний ярус которого был полностью снесен. Метров десять высотой, обрамленная труднопроходимым кустарником и местами увитая уже посеребрившим плющом, колокольня располагалась между небольшим сельским кладбищем и извилистой речушкой, за которой начинались колхозные поля. Часть стены имела разрушения, как будто сюда попал снаряд или авиационная бомба, другая часть стены была не разрушена, а третья – аккуратно разобрана.

– Кирпич здесь уж больно хороший, вот местные его и таскают, – пояснил Ломтев. – Кто печь поправить, кто чтобы дорожки в огороде выложить, кто им стены облицовывает, да мало ли для чего еще. В хозяйстве, как говорится, все пригодится.

– У тебя тоже здесь хозяйство? – поинтересовался Зверев.

– Я у тетки живу.

– Значит, ты местный...

– Нет, сам я из Покровского – это деревня такая, шестьдесят верст от Славковичей.

– А звать-то тебя как?

– Николаем!

– Ясно. Родители живы?

Ломтев слотнул и втянул воздух носом.

– Когда немец пришел, отец в партизаны подался. Выродок один, сосед наш Лешка Карась, об отце немцам сообщил. Мать и сестру повесили, хату спалили. Меня две недели тогда соседка баба Люся в погребе прятала. Потом сюда в Славковичи к тетке отвезла, когда все поутихло. Мне тогда двенадцать было.

Зверев понимающе кивнул и ускорил шаг, чтобы догнать идущих впереди Мокришина, Логвина и Бармалея.

– У тетки, значит, живешь? – продолжал свои расспросы Зверев.

– Не у тетки, а в ее хате, – уточнил Ломтев. – Прошлой зимой померла тетка. Пошла как-то по воду по весне, лед уже подтаял, она и провалилась по шею. Другие бабы увидели, вытащили ее, но тетка застудилась да спустя месяц померла. Так что один я живу.

– Один живешь? Почему?

– А с кем же мне жить?

– Ну девка-то, поди, есть?

Сержант покраснел и отвернулся.

– Нет у меня девки.

– Чего так?

– Да как-то, – Ломтев вдруг выпрямился, – работы у меня невпроворот, потому не до баб мне.

– Ой ли? А начальник твой, как я понял, бобылем-то не ходит. У него, что же, дел меньше?

Ломтев отвернулся и буркнул:

– Не меньше. Просто он все успевает, а я нет. Потому как опыта у него больше. А я семьей обзавестись еще успею.

– А у Пчелкина твоего большая семья?

– Антонина – это жена, да детки – Темка и Глашка.

– Понятно.

Зверев закурил на ходу, и дальше они шли молча, слушая пение птиц и протяжное мычание пасущегося по соседству коровьего стада. Когда они подошли к постройке и вошли в воротный проем, частично перекрытый обрушенной опорной балкой, Зверев увидел крутую лестницу, усыпанную побуревшей листвой, ветками и обломками кирпича.

– Ну что ж, посмотрим, что здесь да как. Не затопчите следы.

Обойдя впередиидущих, Зверев поднялся на следующий ярус и оказался на вершине ветхого строения. Вслед за ним поднялись Логвин со своей овчаркой, Леня Мокришин и Ломтев, который догадался прихватить у Костина его бинокль.

Здесь пахло сырьем и тленом. В одном из углов строения под остатками крыши были навалены еловые ветки.

Пройдя по краю, Зверев подошел к наваленному на грязном полу лапнику и внимательно все вокруг осмотрел.

– Что и требовалось доказать, – заявил Зверев. – Именно здесь наш стрелок поджидал свою жертву, причем поджидал довольно долго, возможно, всю ночь. Большая часть веток осыпалась, молодые ветки поломаны, сухие поломаны в труху.

– Ночью довольно холодно, а следов костра нет, – тут же отметил Ломтев.

– Зарылся в лапник и, видимо, утепился заранее. Боялся себя выдать. А ну, Колюня, дай-ка мне Венину игрушку.

Забрав у Ломтева бинокль, Зверев долго осматривал местность.

Сельское кладбище, окруженное березками и орешником, казалось бесформенным и опустошенным. Часть могильных холмов была увенчана крестами, однако то там, то тут, среди надгробий, попадались столбики с пятиконечными звездами. С другой стороны от колокольни текла река, метрах в пятистах Зверев увидел поросшую камышом пристань, у которой покачивались прикованные цепями деревянные лодчонки. Зверев перевел взгляд на село и осмотрел каждую его часть. Двор Войнова был как на ладони.

– Если бы я хотел убить Войнова, то выбрал бы именно это место. Гена, пускай Бармалея, – распорядился Зверев, – пусть поработает, здесь вроде бы сухо.

Логвин тут же пригнулся к псу, погладил его и что-то шепнул на ухо. Бармалей завил хвостом и стал нюхать сваленные в кучи ветки, вдруг затряс головой и дважды чихнул. Зверев насторожился.

– Что с ним?

– Он обычно так на махорку реагирует или на спиртное, – пояснил Гена.

– Окурков я не вижу, значит, наш убийца тут выпивал, – сделал вывод Ломтев.

Логвин тут же согласился:

– Оно и немудрено, нужно же было ему как-то греться.

– Вот только ни пустых, ни битых бутылок я не вижу, получается, что пил он из фляжки и расплескал...

– Времени прошло много, алкоголь бы за это время испарился, – возразил Мокришин.

Бармалей снова чихнул и громко фыркнул.

– Тогда чего же ваша собачка чихает? Если убийца собрал окурки, то сигаретный дым тем более бы испарился, – продолжал Ломтев.

– А ну, пустите-ка. – Мокришин подошел к месту лежки, положил на землю свой чемоданчик, где хранил оборудование, достал из него лупу и сел на корточки.

Он долго ползал по земле, потом вдруг замер, вытащил из чемоданчика небольшой металлический шпатель, что-то собрал им с земли и поднес к носу. Вдохнув собранную им пыль, тоже чихнул и подытожил:

– Табак.

– На рассыпанную махорку не похоже, – усомнился Ломтев.

– Это нюхательный табак, – авторитетно заявил Мокришин и поднялся.

– А это уже кое-что, – оживился Зверев. – Наш стрелок терпеливый и осторожный малый. Он нюхает табак и умеет найти хорошее место для засады.

– Убийца стрелял дважды и оба раза попал, значит, он еще и хороший стрелок, – заявил Ломтев. – Может быть, снайпер?

– Из хорошего карабина или винтовки попасть с такого расстояния может и обычный стрелок, – возразил Зверев.

– Так-то оно так, – тут же оживился Мокришин. – Только вот, судя по всему, стрелял он не из карабина и не из винтовки.

Зверев нахмурил брови.

– Поясни!

– Ты так спешил притащить меня сюда, что я даже не успел тебе ничего сказать.

– Ну уж извини, – фыркнул Зверев.

Мокришин продолжал:

– Судя по входным отверстиям, оставленным на теле Войнова пулями, в него стреляли не из винтовки. Более точные данные мы получим после вскрытия и извлечения пули, но я уже сейчас почти уверен, что мы имеем дело с двенадцатым калибром.

– Ах вон оно что. – Зверев тут же вспомнил слова соседки Войнова Фаины Истоминой. – «Бах! Бах!» Сдвоенный выстрел!

Зверев беззвучно рассмеялся.

– Судя по всему, убийца стрелял из ружья, а если говорить точнее, из двустволки. Бьюсь об заклад, что наш убийца – охотник.

Все с интересом посмотрели на Зверева, но тут Бармалей вдруг зарычал и сделал стойку.

– Есть! – облегченно выдохнул Логвин. – Похоже, наш Бармалеша все-таки взял след!

У пристани, где они очутились спустя десять минут, Бармалей остановился и дважды негромко тявкнул. Зверев, выйдя из кустов к реке, увидел у берега двух мужчин, которые стояли у мостков и о чем-то ожесточенно спорили.

Когда раньше Зверев осматривал местность через окуляры бинокля Вени, здесь никого не было. Павел Васильевич остановил жестом Логвина, Бармалея и остальных и приблизился к спорщикам. До поры до времени те его даже не замечали.

Зверев с интересом осмотрел новых участников событий.

Первый, высокий здоровяк лет шестидесяти пяти, был в сером непромокаемом плаще, кирзовых сапогах и черном суконном картузе. В правой руке он держал самодельный жестяной черпак, сделанный из обыкновенного ведра, на правом плече у мужика висел плотно набитый холщовой мешок. Брови мужчины были сдвинуты, глаза его блестели.

Второй мужчина был сдержан, но не менее суров. Среднего роста шатен, вьющиеся волосы, тонкие аккуратные усики, чистые голубые глаза и широкий нос. Он то и дело щурил глаза, покусывал губы и время от времени кивал. На нем был вязаный свитер, армейские шаровары и совсем еще новые яловые сапоги. Подойдя ближе, Зверев увидел, что поверх свитера был надет синий милицкий китель без погон. Подойдя совсем близко, Зверев покашлял. Мужчины тут же прекратили спор, но в этот момент в беседу вмешался Ломтев:

– Товарищ капитан, вы здесь, а мы вас обыскали!

– Кто это «мы»? – сухо уточнил усадый и строго посмотрел на Зверева.

– К нам из Пскова опергруппа приехала, – продолжал Ломтев. – Это майор Зверев, он у них старший. Я к вам Егорку послал, а вы тут! Случилось чего?

Мужчина в синем кителе встретился глазами со Зверевым и протянул руку.

– Капитан Пчелкин! Местный участковый, мы вас ждали, но тут у нас еще одно недоразумение случилось, поэтому я здесь...

– Какое же это недоразумение? – заорал здоровяк с черпаком. – Не недоразумение это, а самое что ни на есть преступление!

Зверев поморщился и сухо спросил:

– Что у вас случилось?

– У меня лодку украли! Вот посмотрите. – Здоровяк указал на место у мостков, где на берегу осталась вмятина от недавно стоявшей лодки, рядом с которой в землю был вбит металлический костыль. – Посмотрите, товарищ милиционер, вот тут была моя лодка, а теперь ее нет! Украли! Я тут, понимаете, на рыбалку собрался, прихожу к реке, а лодки нет! Тю-тю! Я вот к Владимиру Палычу, а он говорит, чтобы я не шумел раньше времени! Говорит, что мою лодку мог Сенька забрать, а Сенька не мог ее забрать! Украли лодку!

– Кто такой Сенька? – уточнил Зверев.

– Племяш мой! Он и в самом деле иногда мою лодку берет, но на этот раз не он взял – украли!

– А почему вы так в этом уверены?

– Потому что Сенька уже три дня не просыхает. У него недавно сын родился. У Сеньки три девки было, а тут, значицца, Галина – женка его – взяла и пацана рбдила. Так что Сеньке теперь не до рыбалки.

– Так, может, он не на рыбалку поехал, – довольно резко перебил здоровяка Пчелкин.

– А куда же?

– Ну мало ли? Накупил бражки и на озеро с друзьями праздновать!

– Ага! С друзьями. А это тогда что? – Здоровяк указал на вбитый в землю костыль. – Ты глянь сюда.

– И что тут такого?

– Тут на костыле кольцо было, а теперь его нет. Судя по следам, это кольцо молотком кто-то или кувалдой сбил. Ну, чтобы лодку украсть...

– Так, может, Сенька и сбил...

– У Сеньки ключ есть! Не стал бы он по кольцу кувалдой бить!

– Так, может, он ключ потерял, потому и сбил кувалдой. Сам же говоришь, что Сенька в загуле. Напился, потерял ключ, вот и шарaxнул молотком по твоему костылю да уплыл на острова дальше пьянствовать.

Здоровяк на мгновение задумался, пригнулся к вбитому в землю костылю и еще раз внимательно на него посмотрел.

– Да нет, не Сенька тут орудовал!

– Это почему же ты так решил? – не без ехидства уточнил Пчелкин.

– А сам глянь!

Зверев и Пчелкин подошли ближе, Ломтев, стоявший за спиной Зверева, тоже вытянул шею.

– Ты же, Палыч, Сеньку моего знаешь. Мужик он от природы здоровый, не хилее меня будет. Руки у племяша моего как клещи, он ими подковы гнет, – жалобно верещал хозяин пропавшей лодки.

– И что? – Пчелкин был неумолим.

– А то, что если бы Сенька это кольцо молотком сбивал, он бы его одним ударом снес, а то и костыль бы из земли с корнем вырвал, вот так. – Здоровяк бросил ковш и мешок, вцепился в вогнанный в землю витой костыль, и пусть и не без труда, но вскоре вырвал его с корнем и протянул костыль Пчелкину. – Ты глянь... глянь! Говорю же, Владимир Палыч, тут кто-то другой поработал. Видишь вмятины на костыле?

– Ну?

– Тот, кто лодку украл, раз двадцать по костылю бил, чтобы кольцо сорвать. Вон сколько вмятин оставил, а значит, не особо наш воришка силен.

– Так потому что пьяный был. Вот руки и тряслись, потому по кольцу и не попадал.

– Да что ты будешь делать? – казалось, что здоровяк вот-вот заплачет.

Видя, что Зверев внимательно смотрит на него, Пчелкин вдруг смилостивился.

– Ладно, Демьян Егорыч, приходи завтра утром ко мне в участок, будем заявление о пропаже лодки писать, а пока, уж извини, у меня тут дела посерьезнее будут. Сам же слышал, что убийство у нас, да еще какое!

Здоровяк, которого Пчелкин назвал Демьяном Егоровичем, отмахнулся и, бросив свой самодельный ковш в кусты и подхватив с земли мешок, зашагал вдоль реки в сторону Славковичей.

Пчелкин же гораздо более мягким тоном сказал:

– Ну что ж, товарищ майор, с этим делом вроде разобрались пока. Давайте теперь займемся нашим убиенным Мишаней.

Глава третья

г. Псков, управление милиции...

Когда оперативная группа вернулась из Славковичей в город, Кравцов тут же позвонил из ближайшего телефона-автомата Корневу домой. Время было позднее, тем не менее начальник псковской милиции не спал. Услышав в трубке голос Кравцова, Корнев скривился и тут же заинтересовался:

– А где Зверев?

– Остался.

– Где?!

– В Славковичах. Они вдвоем остались – он и Евсеев, остальные вернулись со мной на дежурке.

Корнев, нарочито сделав паузу, спросил:

– Почему со мной не согласовали?

– Что, простите? – вроде бы удивился Кравцов.

– То, что Зверев остается в Славковичах... да еще с Евсеевым? Зачем?

– Простите, товарищ полковник, но этот вопрос не ко мне. Вы же сами ему дело Войнова отдали, и раз Павел Васильевич решил остаться, значит, посчитал, что так нужно...

– Кому нужно?! Он должен был...

– Доложить вам лично?

– Да! Черт побери!

Кравцов скрипуче хохотнул:

– Видимо, Павел Васильевич не посчитал, что это необходимо. Вы же его знаете. Он ведь у нас такой...

– Все. Я все понял! – процедил сквозь зубы Корнев. – Что-нибудь накопили?

– Протокол осмотра места происшествия будет завтра, завтра же, думаю, будут и результаты экспертизы. Я с утра займусь бумагами, оформлю все как полагается, если остальные, конечно, поторопятся...

– Да погоди ты со своими бумагами! Ты мне по сути скажи! Что там случилось, есть ли подозреваемый, мотивы и все такое.

– Войнов убит двумя выстрелами с дальнего расстояния и на глазах у соседки. Убийцу никто не видел, про мотивы мне ничего не известно. Зверев кого-то там допрашивал, что-то, как всегда, изучал, а потом куда-то ушел с помощником участкового. Позже, ничего не пояснив, оставил с собой Евсеева, а нас отправил в город. Вот и все.

Корнев снова ругнулся.

– Все ясно! Завтра всех, кто был в Славковичах, ко мне в кабинет! Тебя это тоже касается. Хочу услышать доклад, а бумаги подождут!

– Хорошо, бумаги подождут, а на совещание, как обычно, к восьми тридцати? – елеинным голосом уточнил Кравцов.

– К восьми! – рявкнул полковник и бросил трубку.

После беседы со следователем Степан Ефимович долго ходил по комнате, не находя себе места. Он думал об убийстве, наделавшем столько шума, и нервно гадал, чем все это закончится. Убитый одно из первых лиц города, московское начальство требует немедленных результатов, а Зверев на доклад не явился.

Прекрасно зная привычки своего подчиненного Пашки Зверева, Корнев не сомневался, что полностью своими соображениями по делу тот наверняка не поделится ни с кем, даже со своим любимчиком Костиным. Поэтому Кравцов по-своему был прав, что-то спрашивать

у Зверева сегодня не имело смысла. Именно поэтому все расспросы Корнев оставил на следующий день.

Ночью Степан Ефимович долго не мог уснуть. От нервных потрясений, случившихся накануне, его язва снова разыгралась. Чтобы заглушить боль, Корнев несколько раз за ночь ходил на кухню, сидел за столом, ел мед и пил спиртовой раствор, настоянный на прополисе. Боль наконец-то утихла, но настроение от этого не улучшилось.

Утром, когда служебная машина доставила Корнева в управление, в кабинете его уже поджидали Кравцов и два оперативника Зверева – Костин и Горохов. Корнев молча вошел в кабинет, уселся за стол и, глядя в сторону, холодно спросил:

– Мокришина тоже не будет?

– Он сейчас в морге, ждет заключения патологоанатома. Тело Войнова привезли ночью, как только извлекут пулю, Мокришин обещал тут же явиться, – пояснил Веня Костин, который тут же понял, что вопрос был задан именно ему. Догадка Вени тут же подтвердилась.

– Ясно! Ну что ж, старлей, давай уже докладывай, что вы там накопили со своим начальником, раз уж наш Павел Васильевич решил устроить себе несколько внеплановых выходных. Попить молочка да покуражиться с деревенскими девками...

– Зря вы так, товарищ полковник! Зверев наверняка сейчас со свидетелями работает, – попытался вступить за Зверева Веня и тут же пожалел об этом.

– Ничего не зря! Он должен был прибыть на место, провести необходимую работу и вернуться для доклада! Если уж действительно была необходимость оставаться там, то Зверев должен был согласовать этот вопрос со мной. Я для чего его старшим назначил? Чтобы он мне все докладывал лично, а не через подчиненных.

– Так Виктор Константинович может все доложить... – залепетал было Веня, но тут уже вмешался Кравцов:

– Прошу прощения, товарищ полковник, но ни от Зверева, ни от его подчиненных мне до сих пор сообщений не поступило. Мокришин тоже, как вы уже поняли, еще не представил никаких заключений, так что, кроме того, что я вам уже сказал, мне докладывать больше нечего.

Корнев сжал кулаки и выругался.

– Виктор Константинович, ты же выезжал с группой, отчего же ничего доложить не можешь?

Кравцов развел руками, снял очки и стал протирать линзы носовым платком:

– Да, я был на месте убийства, видел, как наши приступили к работе, но никаких отчетов и бумаг я не получил. Вы же Зверева назначили старшим, а он, как известно, не считает нужным в таких случаях мне докладывать. Так что я думаю, Костин обо всем доложит!

Корнев стукнул кулаком по столу:

– А ну хватит! Как же мне надоели эти ваши дрызги! Почему вы не можете нормально работать, а не собачиться друг с другом? Мне в Главк нужно что-то срочно докладывать! Время идет, а вы тут друг у друга одеяло перетягиваете! Черт с тобой, Виктор Константинович, пусть Костин говорит.

Корнев вдруг скривился и схватился за живот.

– Опять ваша язва, Степан Ефимович? – тут же поинтересовался Кравцов. – Может, сходить в санчасть за таблетками?

– Сходи, раз уж от тебя все равно никакого проку! – зло сказал Корнев.

Лицо Кравцова вытянулось.

– Мне? Идти мне?!

– Ты же сам предложил!

– Так я думал, что вы своего секретаря отправите.

– Вы сегодня видели моего секретаря? – кривясь от боли, продолжил Корнев.

Кравцов выдавил глуповатую улыбку.

– В приемной ее нет!

– Правильно, она со вчерашнего дня в командировке! Вы же сами приказ о ее командировке визировали! Забыли?

Кравцов еще больше скуксился.

– Простите, я действительно это забыл. За последнее время столько событий... Тогда, может, Шура в санчасть сходит? – Кравцов посмотрел на Горохова, тот тут же встал, но Корнев остановил оперативника жестом.

– Не нужно никуда ходить! Есть у меня таблетки! – Полковник достал из ящика стола коробочку с лекарствами, выпил две пилюли, запив водой из графина. – Черт знает что! Доведете вы меня, ей-богу... Веня! Давай уже, рассказывай по нашему делу.

Костин поднялся, собираясь рассказать про колокольню, украденную лодку и передать показания Файки Истоминой, но тут в дверь постучали, и в кабинет вошел Леня Мокришин с чемоданчиком в руке.

– Разрешите, товарищ полковник! Прошу прощения, что опоздал, занимался покойником.

– И что нового можешь сказать?

– Да особо ничего нового! Два пулевых ранения, стреляли из охотничьего ружья, примерно метров со ста. Предположительно, с заброшенной колокольни, а из нового вот! – Эксперт подошел к столу, поставил на него свой чемоданчик.

Достав из чемодана салфетку, Мокришин расстелил ее на столе перед Корневым. После этого эксперт достал из чемодана коробочку и выложил из нее пинцетом два свинцовых шарика размером с вишню. Все подались вперед.

– Я так понимаю, это пули? – уточнил Корнев.

– Совершенно верно. Две самодельные цельнометаллические свинцовые шаровидные пули...

– Самodelки?

– Разумеется, – продолжил Леня. – Для тех, кто не в курсе, поясню: у большинства охотников всегда были особенно популярны многоразовые патроны, изготавливаемые кустарным способом. Эти патроны дешевы и просты в изготовлении. В доньшко металлической, как правило латунной гильзы, запрессовывается капсюль с иницирующим веществом; пороховой заряд, на который сверху накладывается пыж, затем дробь, картечь или пуля – в зависимости от того, для чего, или, точнее, для охоты на кого, этот патрон предназначен. На пулю кладут еще один пыж, войлочный или бумажный, который заливают воском. В данном случае мы имеем круглую пулю, она проста в изготовлении и имеет неплохое останавливающее действие. Однако чувствительна и часто рикошетит, поэтому ее нельзя использовать для коллективной охоты. Всю эту информацию я получил в справочниках, кроме того, у меня тесть охотник, я от него столько этого всякого наслушался. Он, как соберемся, так сразу...

– Подожди! – остановил Мокришина Корнев. – То есть ты считаешь, что наш убийца охотник?

– Зверев об этом еще вчера сказал, а теперь его догадки подтвердились!

– Ты про это знал? – спросил Костина Корнев.

– Знал, – отчеканил опер.

– Тогда давай рассказывай, что еще знаешь, – проворчал Корнев.

– Павел Васильевич еще вчера сказал, что наш убийца охотник... – начал было Веня, но Мокришин его перебил:

– Я бы еще добавил, что он не просто охотник-любитель, каких немало. Наш стрелок настоящий мастер своего дела, способный пойти в одиночку на медведя или кабана. То, что убийца стрелял круглой пулей, косвенно это подтверждает.

– Каким образом? – уточнил Корнев.

– Круглая пуля дает сильный рикошет, поэтому ее почти не используют охотничьи артели, так как это небезопасно. Еще наш убийца отличный стрелок, круглая пуля дает большой разброс, и попасть ею со ста метров не из винтовки или карабина, а из двустволки, не так уж и просто. Тем не менее убийца всадил в свою жертву оба этих вот самых шарика, причем оба попадания, судя по всему, были смертельны.

– Хорошо. Убийца охотник-профессионал, – подытожил Корнев. – Что мы еще о нем знаем?

– Он нюхает табак! – наконец-то внес свою лепту в разговор Веня.

– Так, а это из чего следует?

– Мы нашли нюхательный табак на месте, где убийца ждал свою жертву, – снова пояснил Мокришин.

– Наш стрелок все продумал заранее, – продолжил Веня. – Он выбрал место на старой разрушенной колокольне, устроил себе ложе из еловых веток и дождался момента, когда Войнов выйдет на крыльцо. Мы нашли еловый ствол, с которого убийца обрубил ветки топором. Застрелив Войнова, убийца спустился с колокольни и пошел к реке. Там все тем же топором он сбил кольцо с заранее присмотренной им лодки и уплыл вниз по реке.

– Лодку нашли?

– Ищут. И Зверев считает, что не найдут. Убийца, скорее всего, проплыл не меньше десяти верст до близлежащего озера, прорубил все тем же топором днище лодки и пустил ее плыть к центру озера. Когда лодка ушла на глубину, она затонула, а убийца отправился в лесной массив, и найти его следы теперь просто невозможно.

– Так значит, убийца ушел через лес? – уточнил Корнев.

– Да. Так считает Зверев...

– Ишь ты... считает он, – хмыкнул Корнев, а Костин продолжал:

– Места там глухие, и это еще раз подтверждает версию, что наш злодей – охотник-одиночка, неплохо ориентирующийся в лесу.

– Ну что ж, теперь мне хоть что-то ясно и будет что доложить наверх. – Корнев усмехнулся, выпил еще воды и облегченно вздохнул, после чего указал всем на дверь. – Работайте!

Глава четвертая

с. Славковичи, накануне вечером...

Они обошли все село, но ничего нового так и не узнали. Ни на колокольне, ни в самих Славковичах, ни на реке никто никого подозрительного не видел. На все вопросы Зверева, кто мог желать зла убитому, жители Славковичей отвечали односложно. В основном о Войнове говорили положительное, но Зверева такие ответы не особо радовали. Все утверждали, что Войнов их гордость, нахваливали, но при этом то и дело отводили глаза. На вопрос, были ли у него враги, все местные отвечали, либо не было, либо не знаю. То, что славковичевские жители врут, догадаться было несложно. Зверев слушал, кивал, его правая щека при каждом услышанном слове дергалась все сильнее. То, что местные не решаются хулить второго секретаря горкома – потому что просто-напросто боятся его, пусть даже уже мертвого, было понятно. Непонятно было другое, почему никто не сказал о врагах убитого. Получалось, что жители побаивались еще кого-то, но вот кого?

Изрядно находившись и умаявшись, Зверев и Коля Ломтев пришли в его дом, где и соби-
рались заночевать.

Дом, доставшийся помощнику славковичевского участкового младшему сержанту Ломтеву от умершей тетки, представлял собой старую деревенскую избенку, состоящую из передней и задней избы и тесных сеней, где на широкой лавке стояли два ведра с питьевой водой, на стене висели два небольших деревянных ковша и связанные в косы плетенки молодого чеснока и лука. Все внутренние двери были обиты войлоком, в передней стояла подернутая сажей и местами потрескавшаяся русская печь, дубовая горка, устланный цветастой клеенкой стол и несколько грубо сколоченных табуретов.

Во второй комнате, отделенной перегородкой, стояла массивная деревянная кровать, шифоньер и несколько витых деревянных стульев. На стене комнаты помимо зеркала и радио-приемника висели портреты бывшей хозяйки и ее мужа, погибшего еще в Гражданскую, – художавого красноармейца в буденновке и армейской суконной шинели. Полы в комнате были застелены полосатыми домоткаными половиками, под потолком на крученом проводе одиноко висела лампочка в карболитовом патроне и без абажура. Войдя в переднюю, Зверев не сразу увидел висевшую в дальнем углу у окна уже изрядно потускневшую икону Божьей Матери.

– Ты что ж у нас, сержант, верующий? – усмехнулся майор.

– От тетки осталась. Она веровала, а когда померла, я убирать не стал, – сообщил Ломтев и повесил на гвоздь фуражку. – Вы присаживайтесь, товарищ майор, сейчас на стол что-нибудь соберу.

Зверев повесил на стену плащ и сел на один из табуретов, тот тут же подозрительно скрипнул.

– А ты, я вижу, не шибко-то тут шикарно устроился, – глядя на растапливающего печь хозяина, усмехнулся Зверев.

Парень подкинул в топку пару поленьев, достал из шкафчика краюху домашнего хлеба, после чего спустился в погреб и притащил котелок с сырой картошкой и каталку кровяной колбасы.

Пока хозяин чистил картошку, Зверев порезал колбасу и хлеб, соорудил себе бутерброд и принялся жевать.

– Хлеб сам, что ли, печешь?

– Какое там, это соседка у нас, тетя Шура, мастерица. Она и колбасу у нас делает, и сало коптит. Если задержитесь у нас, я вам у нее еще грибочков моченых возьму. Одним словом, голодать не придется, – усмехнулся Ломтев.

Когда картошка сварилась и Николай поставил ее на стол, за окном послышались шаги и в хату вошел Евсеев. Он повесил на гвоздь куртку и изрядно увлажнившуюся от пота кепку и без приглашения сел за стол.

– Как ты и предполагал, Павел Василич, напрасно смотались. Ни черта не нашли, хоть чуть ли не все озеро это, будь оно неладно, по кругу объехали. Нет нигде ни лодки, ни следов нашего стрелка.

Накануне после знакомства с Пчелкиным Зверев велел Димке Евсееву попробовать поискать пропавшую лодку. Псковский опер тут же разыскал дом обокраденного накануне Демьяна Полубудкина, и тот, хоть и не без возмущения, все же согласился поучаствовать в поисках украденного у него плавсредства. Демьян сходил к своему соседу Тольке Мельнику и одолжил у того другую лодку.

Несколько часов они плыли по реке до озера, обогнули его и спустя восемь часов вернулись несолоно хлебавши – усталые и злые.

– Напарник-то твой где?

– Демьян Егорыч? Так он домой пошел. Сказал, что завтра придет в участок и заявление о пропаже лодки все же подаст. Матерился всю дорогу.

Когда Зверев взялся за второй бутерброд и еще горячую картошку, со двора послышался звук мотора. Павел Васильевич выглянул в окно и увидел подъехавшего на мотоцикле Пчелкина, который все это время тоже не сидел без дела, а сопровождал катафалк с телом убитого Войнова аж до самого Пскова. Когда Пчелкин вошел в дом, он, не разуваясь, прошел к столу и поставил на стол армейский вещмешок.

– Все, товарищ майор! Определил я Михал Андреича куда следует! Передал по инстанции, все как положено, а теперь можно и немного расслабиться. Чего это вы тут на сухую сидите? Колька, – обратился к Ломтеву участковый, – ты чего же нас позоришь? Кто же так дорогих гостей встречает?

Ломтев посмотрел на Зверева.

– Так я вроде...

– Что вроде? Неужели не догадался под картошку чего-нибудь посущественнее сообразить?

– Так я ж могу к тетке Шуре сгонять! – засуетился Николай, дернулся было к выходу, но Пчелкин остановил его жестом.

– Не надо к тетке Шуре! – Пчелкин развязал принесенный вещмешок и вынул из него три бутылки «Столичной» и большой пакет с пирожками. – Водку в городе купил, а то у нас тут только самогон да дрянной портвейн в местном сельпо.

– А пироги тоже из города привез? – усмехнулся Зверев.

– Нет! Пироги – это моя Тонька напекла. Я к ней еще перед поездкой заскочил, велел приготовить.

– Так мне Коля сказал, что она у тебя приболела?

– Как приболела, так и выздоровела! Пробуйте, товарищ Зверев, тут разные: есть с капустой, есть с курятиной, а эти с грибами.

Откупорив первую бутылку, Пчелкин продолжал:

– Колька, давай стаканы! Не можем же мы нашего Мишку не помянуть.

Зверев тут же отметил, что грусть в голосе Пчелкина при упоминании о погибшем односельчанине особо не просматривается. Ему определенно не нравился этот сельский милиционер, но Павел Васильевич старался этого не демонстрировать. Евсеев тем временем взял пирожок, а молодой хозяин дома притащил стаканы. Пчелкин сначала налил хозяину на два пальца в стакан, остальную часть бутылки разделил на троих.

– Он у нас малопьющий! – перехватив вопросительный взгляд Зверева, пояснил участковый.

– Да я не о том! А чего ж покойнику не налил, у нас же вроде как поминки? – поинтересовался Зверев.

Пчелкин нахмурился и откупорил вторую бутылку. Он взял еще один стакан, плеснул в него водки и положил сверху кусок хлеба.

– Ну, за Мишку! Земля ему пухом. – Пчелкин опустошил стакан.

После этого участковый сел, вынул вилкой картофелину из котелка и закусил. Остальные, включая хозяина, тоже выпили не чокаясь. Пчелкин взял вторую бутылку и снова налил себе и гостям. Ломтеву, который с трудом проглотил водку и теперь жадно поедал пирожок с капустой, он на этот раз налил еще меньше.

– Ну а теперь, может, за знакомство? – Пчелкин, не вставая, протянул Звереву руку. – Владимир. А вас как, товарищ майор? Или мне так и придется на «вы», да еще и майором вас называть?

– Зови Павлом, чего уж в самом деле. – Зверев ответил на рукопожатие.

Несмотря на относительно средние габариты местного участкового, его рука была очень крепкой и сухой. «Мы ему тут явно как кость в горле, – сделал заключение Зверев. – Спокоен и уверен в себе, но что-то его гложет. Понять бы только, что...»

Пчелкин покивал, щеки его порозовели.

– Лады. Вот и познакомились. А раз так, то вопрос у меня к тебе, Павел.

– Какой же?

– Вижу я, что хоть ты мне и улыбаться пытаешься, а глаза у тебя холодные! Что, не нравлюсь я тебе?

Зверев фальшиво улыбнулся и сказал:

– Может, и так, а может – и нет. Просто не понимаю я тебя, Володенька, вот и сверлю глазами.

– А что ж во мне такого непонятного? Если что непонятно, ты спроси.

– Спрошу. Есть у меня к тебе вопрос. Существенный вопрос.

– Валяй спрашивай. – Пчелкин смотрел в глаза Звереву, не отворачиваясь.

– Про Войнова спрошу. Он ведь у нас местный, как мне сказали? Так?

– Так.

– Большой человек?

– А то как же? Из грязи да в князи выбился.

– И убили его, вероятно, потому что он кому-то дорогу перешел...

Пчелкин засмеялся и прямо руками отломил кусок колбасы.

– Да уж перешел. И много кому перешел.

– Так-так... продолжай!

Пчелкин, кусая колбасу, уже откупоривал третью бутылку.

– Колька! Не рассчитал я чуток, беги-ка к тетке Шуре за самогонкой. Скажешь, что для меня.

Пчелкин снова наполнил стаканы, Николай вскочил и, на ходу накинув висевшую на вешалке фуфайку, выбежал за порог.

– А вот теперь порадовал ты меня, Володя, – на этот раз искренне улыбнулся Зверев.

– Это чем же?

– Тем, что хоть кто-то правду мне сказал. А то мне тут все скопом талдычат, что ваш Войнов чуть ли не ангелом с крылышками числился. Все его, мол, уважали, любили... А ты вот говоришь, что были у него недруги. Итак, кому же наш убиенный дорогу перешел?

Пчелкин снова выпил, занюхал рукавом и зевнул.

– Эх, умаялся я что-то сегодня. Да тут еще Полубудкин этот совсем достал. Тут у нас убийство, а он со своей лодкой.

– Что ж тут такого? Я, например, уверен, что лодку украл наш убийца. Заранее присмотрел, уплыл на ней, а потом в озере утопил. Так что, выходит, что этот Полубудкин – ценный свидетель.

Пчелкин поморщился и снова зевнул.

– Ну может, и так. Просто реально я устал и не только из-за Войнова. Мы ведь тут с Колькой вдвоем на весь район, а у нас тут такое, бывает, случается! Драки, поножовщина, ворье. Народ-то у нас деревенский, напьются и за ножи или за топоры хватаются.

– Ты мне, Володя, это в другой раз расскажешь, а сейчас про Войнова говори.

Пчелкин усмехнулся, вынул из кармана пачку «Казбека», закурил.

– Прав ты, майор, Войнова мало здесь кто любил. Не только после того, как он в большие начальники выбился, всегда его не любили. Был он мужик расчетливый и хитрый. Да, фронтовик, да, орденосец, герой. Но думаешь, как такие, как он, в большие люди выбиваются?

– Как?

– Да по чужим костям! Войнов не просто так же взлетел.

– А лично ты-то за что его не любил?

– Я-то? – Пчелкин рассмеялся и выпустил через ноздри дым. – А что так заметно?

– Не то слово.

– Да уж... Скажу честно, не хотел я тебе этого говорить, но, пожалуй, скажу. Как ты уже знаешь, местные, да и вся округа, Войнова просто не любили, а я его ненавидел. И вовсе не потому, что был он изрядной сволочью. Другая у меня на то причина была. Не поделили мы с Мишкой в свое время кое-что, а точнее, не кое-что, а кое-кого.

Зверев достал «Герцеговину Флор» и тоже закурил.

– Женщину?

– Точно, бабу мы с ним в свое время поделить не могли. Тонька – жена моя, она же когда-то Мишкиной невестой числилась.

Зверев взял со стола пирожок.

– Та самая, которая эти пироги печет?

«Надо будет с этой Тонькой пообщаться», – подумал Зверев, но Пчелкину решил пока об этом не говорить.

– Любила Тонька ведь его, гада, когда-то! – продолжал Пчелкин. – По-настоящему любила. К свадьбе у них дело шло, но тут война.

Участковый сглотнул, в этот момент открылась дверь, и в хату вошел Колька с наполненной на две трети большой бутылкой самогона. Парень поставил бутылку на стол, Пчелкин снова плеснул спиртное, на этот раз только себе, и выпил.

– Тогда мы почти все на фронт ушли. После войны я первый вернулся – в сорок четвертом после ранения, а вот этот Мишка только в сорок пятом явился. А у нас ведь как? Кто первый, того и тапки. Не успел, а значит, накомь, выкуси! – Пчелкин указал всем присутствующим фигу и расхохотался.

Пчелкин поднялся из-за стола, его качнуло, мужчина ухватился за стену и побрел к выходу. В сенях он зачерпнул ковшом воды, долго пил и вскоре вернулся за стол.

– Ну вот, пожалуй, и все. Так что, Паша, ответил я на твой существенный вопрос?

– Более чем. – Зверев тоже встал.

– Я ненавидел Войнова больше всех! Я! – В глазах участкового сверкала неподдельная ярость. – Вот только я его не убивал...

Пчелкин шагнул к выходу, на ходу надевая китель.

Зверев смотрел вслед уходящему. Когда за окном заревел мотор, Зверев посмотрел по сторонам. Евсеев, который после прихода Пчелкина не сказал ни единого слова, уже клевал носом. Ломтев, который выпил меньше всех, еще сидел за столом и что-то жевал. Зверев встал и направился к кровати. Он был в целом доволен прежде всего тем, что сумел помимо прочего

ответить еще на один важный для него вопрос. Теперь он знал, кого помимо убитого Войнова побаивались жители села Славковичи.

Глава пятая

Он проснулся и тут же полез в карман за часами. Солнце светило вовсю, часы показывали половину десятого, а голова трещала так, что Павел Васильевич невольно застонал. Зверев огляделся и вдруг понял, что в доме он один. Майор надел брюки и подошел к окну.

Во дворе тоже никого не было. Зверев провел рукой по лицу, щетина на подбородке его огорчила даже больше, чем пульсирующие виски. А ведь бритву-то он не взял – для этого у него просто не было времени. Тут же он вспомнил и о Юлиане, которой он так и не позвонил, чтобы отменить встречу. «Черт бы побрал этого Веньку! – подумал он. – Могли бы ко мне доехать и спокойно собраться, а тут...» В душе прекрасно понимая, что ругает парня зря, Зверев еще раз потрогал подбородок и подошел к печке, та была еще теплой. Павел Васильевич умылся холодной водой из тазика и прошел в переднюю. На столе лежала записка, Зверев узнал почерк Евсеева.

«Мы с Колей пошли в участок. Проснешься, подходи...»

Зверев подошел к окну, открыл его и выкурил папиросу. Потом надел плащ, натянул на лоб кепку и вышел на крыльцо.

Зажмурившись от яркого солнца, Зверев снова потер виски. От былой непогоды не осталось и следа, Павел Васильевич зевнул, потянулся, голова все еще гудела.

– Товарищ милиционер, вижу, ночка прошла славно. Может, молочка? – Зверев открыл глаза и увидел у калитки свою вчерашнюю свидетельницу Файку Истомину, которая держала в руках крынку с парным молоком.

– Молочка? Можно и молочка.

– Угощайтесь! – Женщина вошла во двор и приблизилась к майору. – Извольте, еще тепленькое!

Файка то и дело поправляла волосы, засовывая непослушные локоны под свой синий платок. Зверев поинтересовался:

– Почем нынче молочко в Славковичах?

– Для вас бесплатно, товарищ милиционер.

– Тогда грех не угоститься. – Зверев взял крынку и тут же схватился за виски.

– Ого! Да вам, похоже, молочко не поможет. Я нашего Пчелкина знаю, он не пьет, не пьет, но если уж начал... Вижу: болит ваша головушка, пойдете ко мне, я вам лекарство дам.

– Какое такое лекарство?

– Какое-какое? Стопку-другую вам налью. Вас ведь, поди, наш Колюня Ломоть самогоном поил? Тем самым, который Шурка Зыкова гонит? У Шурки самогонка – дрянь, не то что у меня. Пойдете, товарищ милиционер.

Зверев усмехнулся, пытливо глянул на Файку. Щеки женщины покраснелись, грудь медленно вздымалась под цветастым обтягивающим ситцем, а пухлые губы заманчиво блестели.

– Спасибо, конечно, но я с утра не похмеляюсь. Так что ограничимся молочком.

Зверев взял у собеседницы крынку и опустошил ее ровно наполовину. Разочарованная Файка вздохнула.

– Точно не хотите зайти?

– Как-нибудь в другой раз. – Павел Васильевич поежился. – Пойду я, пожалуй, мне в участок нужно, и, кстати, откуда тут у вас в город можно позвонить?

– Телефон только на почте.

– А как туда попасть?

– Пойдете, я вас провожу.

– А вы меня провожать с крынкой пойдете? – Зверев улыбнулся, Файка растерялась. – Ступайте домой, просто покажите, где у вас почта, а я уж как-нибудь сам дойду.

Когда Файка объяснила Звереву, как пройти на почту, он попросился с ней и пошел по дороге вдоль домов. Женщина какое-то время постояла у калитки, потом снова вздохнула и отправилась восвояси.

Посещение местного почтового отделения заняло у Зверева больше двух часов. Почтальон, плюгавенький старикашка в толстенных роговых очках и глазами навывкате, поначалу вообще не захотел общаться со Зверевым. Сославшись на занятость и необходимость сверки документации, он предложил незнакомцу прийти завтра. Зверев напрягся. Сильно давить на нагловатого старикана Звереву сегодня не хотелось, он попытался решить вопрос миром, но почтальон в очередной раз указал майору за дверь.

Пришлось показать старику удостоверение и напустить на него жути так, как это умел делать только Зверев. Старикашка тут же позабыл про все свои дела и решил больше не гневить столь сурового представителя органов.

Пожилой почтальон довольно быстро сумел дозвониться до оперативного отдела псковского Управления милиции и передал трубку Звереву. Узнав голос Костина, Зверев потребовал рассказать последние новости.

Веня бегло рассказал об экстренном совещании в кабинете Корнева, прошедшем накануне, рассказал о недовольстве полковника из-за того, что Зверев без его согласия остался в Славковичах, однако все это не особо интересовало майора. Гораздо внимательнее Зверев выслушал рассказ Вени об извлеченных из тела Войнова самодельных пулях, их баллистических свойствах и о соображениях Мокришина о том, что убийца явно не просто рядовой охотник, а настоящий мастер своего дела. Довольный тем, что его догадки подтвердились, Павел Васильевич пообещал позвонить завтра утром и положил трубку.

Выйдя из почтового отделения, Зверев направился в милицейский участок.

От прочих строений, в которых жили местные, милицейский участок села Славковичи отличался лишь отсутствием забора, подсобных построек и огорода, а также наличием небольшой таблички над входной дверью: «МИЛИЦИЯ. с. Славковичи, участковый капитан В.П. Пчелкин».

Деревянный дом с шиферной крышей. Две березки и слегка покосившаяся деревянная уборная на небольшом удалении. Врытая в землю лавочка и непонятно зачем поставленные именно здесь детские качели с поржавевшими цепями. Когда Зверев вошел в здание, он очутился в довольно просторном помещении, внутри которого стояли два массивных стола, громоздкий шкаф с документами, металлический сейф и полдюжины стульев.

Возле окна смолил папироску Димка Евсеев. За одним из столов сидел взъерошенный и понурый Коля Ломтев и листал какие-то бумаги. Перед Колей на стульях сидели двое: уже знакомый Звереву владелец похищенной лодки Демьян Полубудкин и молодой мордатый крепыш с выдвинутой, как у бульдога, челюстью, опухшей скулой и синяком на пол-лица.

Когда Зверев сел на один из стульев, Демьян Полубудкин поздоровался с вошедшим и тут же сообщил:

– Вон оно как, товарищ майор, а ведь не ошибся наш Пчелкин, когда говорил, что мой Сенька на пристани побывал! Он ведь и в самом деле туда за лодкой ходил, чертяка!

– Подожди, ты хочешь сказать, что лодку не украли? – Зверев нахмурился. Если это так, то его версия о том, что убийца ушел по воде, рушилась.

Однако Полубудкин успокоил его:

– Да нет. Лодку все-таки украли. А ну, – Демьян ткнул мордатого локтем. – Давай рассказывай, как дело было. Это племяш мой Сенька! Тоже Полубудкин. Он в нашем колхозе механизатором работает. Я вам про него вчера рассказывал. Он у нас похитителя лодки видел!

Зверев подался вперед и ощутил азарт.

– Вон оно что. Интересно.

Парень поерзал на стуле и забасил:

– Сын тут у меня родился. До того одни девки были, а тут... – Сенька оскалился. – Четыре с половиной кило. Настоящий богатырь, в нашу, полубудкинскую породу пошел. Лешкой назовем! Галка моя хотела Иваном назвать, но я настоял! Лешкой будет!

– Рад за тебя. Алексей – хорошее имя. А теперь про похитителя рассказывай.

– Так я и рассказываю. Я как узнал, что Галка моя парня родила, я тут же к ней с цветами в роддом заявился. Все как положено, поздравил, ну а потом сами понимаете...

– Обмывать это дело стал?

– Ну да. Все как полагается. Мужиков собрал, и понеслось.

– Попили, поели и рожи друг другу набили. Все как положено, – улыбнулся Зверев.

Сенька тоже оскалился и потер опухшую скулу.

– Естественно. Ну а после драки замирились и снова сели пить. Потом приятели мои подустали чуток и по домам пошли. Я утром-то проснулся, водички испил и отчего-то так горяченького захотелось. Сунулся я туда-сюда, а дома шаром покати. Пока праздновали, все с мужиками выжрали, остался лишь хлеб да картоха в погребе. Да еще связки лука в сенях висят. Галки дома нет, кашеварить некому. Ну думаю, добегу я до речки, поймаю пару рыбешек да ушицу по-скорому сварганю. Накопал червей, взял удочки – и на пристань. Пришел я к реке, кругом туман, и к дядькиной лодке топаю. Своей-то у меня нет! Так вот иду я к лодке, а возле нее какой-то мужик орудует.

– Хорошо его рассмотрел?

– Какое там! Говорю же: темно было, да и в глазах у меня еще после пьянки все плывет. Разглядел лишь, что в плаще он был. На голове капюшон, лица не видно. Стоит он у лодки и обухом топора по костылю, к которому дядькина лодка привязана была, долбит. Я как увидел это, тут же к нему. А он как меня увидал, вскочил, замахнулся топором, а я увернулся как-то, саданул кулаком, но в лицо не попал. Зато топор выбить сумел. Отступил он тогда к лодке, расслабился я и не обратил внимания на то, что у него на корме брезент лежит. Сделал я пару шагов к нему, хотел капюшон с головы откинуть, чтобы увидеть лицо его бесстыжее, а он брезент откинул, а под ним двустволка лежала. Схватил он ружьишко свое и мне в рожу прикладом шархнул.

– То есть скулу тебе дружки в драке свернули, а похититель прикладом в глаз двинул? Оттого и «фонарь» у тебя на пол-лица? – уточнил Зверев.

– Так и есть! Это он, гад, меня пометил! Я, как в рожу получил, так наземь упал. В глазах искры, рожа в крови! Башкой трясу, как малость в себя пришел, так тут же вскочил, а этот гад уже на середине реки. Я по берегу бежать за ним уж не стал. Думаю, если побегу, он ведь в меня может и из ружья пальнуть. Проводил я его взглядом да домой пошел.

– А топор куда делся? Топора ты не нашел?

– Не нашел, хотя искал! Видимо, он его с собой забрал!

Зверев покачал головой. Не так уж много нового он узнал от Сеньки, потому и спросил:

– Ладно, я все понял. Плохо, что ты лица его не рассмотрел, а хотя бы фигуру можешь описать? Рост у него какой? Толстый он или худой?

– Невысокий он, мне, пожалуй, по плечо будет.

– Значит, где-то метр шестьдесят пять или около того, – сделал вывод Зверев.

– А еще хлипкий он совсем, да и удар у него так себе, – продолжал Сенька. – Если бы я кого прикладом хватил, как минимум голову бы проломил, а у меня только рассечение и синяк под глазом.

Закончив рассказ, Зверев встал со стула и пожал Сеньке и его дядьке руки. Когда те стали собираться, Ломтев спросил:

– А вы заявление-то по поводу лодки писать будете?

– Да чего уж там. Вы же сами мне сказали, что лодка моя, скорее всего, на дне озера лежит. Кто ее теперь оттуда достанет? – Демьян только махнул рукой, и они с Сенькой вышли из участка.

После ухода Демьяна Полубудкина и его племянника Сеньки Зверев снова сел на стул. Он достал папиросы и, закуривая, спросил:

– А Пчелкин-то у нас где? Или он не собирается больше с нами сотрудничать?

– Я так не думаю! – вступился за своего начальника Ломтев. – Я его с утра ждал, а потом не выдержал и к нему домой сбегал. Он ведь тут совсем рядом живет. Жена Владимира Павловича мне сказала, что как проспался, умылся, позавтракал и стал собираться куда-то, а потом ушел. Было это рано совсем, Антонина как раз корову пошла доить. Может, Пчелкин и заходил сюда, а потом уже ушел. Мы ведь в участок только к восьми подъехали.

Зверев покачал головой.

– Может быть, и так. Раз уж он собрался куда-то, то мог бы тогда так же, как и вы, записку оставить. А теперь вот гадай, куда он подевался. Странный он, ваш Пчелкин.

– Да ладно вам, товарищ майор! К вечеру наверняка явится, – заявил Ломтев.

Однако Николай ошибся, Пчелкин так и не появился до позднего вечера.

В половине восьмого, вечером, Николай еще раз наведалься в дом Пчелкина. На этот раз он ездил туда на своем штатном транспорте – стареньком велосипеде «ЗИФ», однако снова убедился в том, что Пчелкин так и не появился. Николай проехал по селу, одна из женщин сказала ему, что видела, как участковый еще утром шагал по дороге в сторону леса. Когда Николай сообщил об этом Звереву, тот снова покачал головой:

– Говорю же, странный он у вас.

– Чего, интересно, ему в лесу понадобилось? Не за грибами же он пошел, – поддержал Зверева Евсеев. – Пал Василич, может, хватит на сегодня, а то уже больно есть хочется.

– Пошли. Тут уж сегодня мы точно ничего не высидим.

Когда Зверев и оба его помощника вернулись, их ожидал сюрприз. Прямо у забора под разросшейся липой стояла черная управленческая «эмка».

– Это еще что? – удивился Зверев.

– Похоже, что-то случилось! – засуетился Евсеев.

Зверев подошел к машине и увидел на переднем сиденье дежурного водителя Игорька Сафронова. Парень сидел и похрапывал, откинувшись назад и надвинув на глаза кепку. Зверев постучал пальцем по стеклу, Сафронов встрепенулся и выглянул в окно.

– Пал Василич? Вы?

– Ты-то здесь зачем? Или я снова Корневу позарез нужен?

Сафронов протер глаза и вышел из машины.

– Точно... Корневу понадобились. Я вас тут уже не меньше часа жду.

– Ну значит, еще подождешь. Я устал, жрать хочу, так что никуда я сейчас не поеду. Коля, мы можем у тебя еще одного скитальца приютить. Вот этого? – Зверев указал на Сафронова.

Ломтев закивал:

– Так на сеновале можно постелить...

– Да, нет же, Пал Василич! – запротестовал Сафронов. – Нужно срочно ехать!

– Потому что так Корнев приказал? – хмыкнул Зверев.

– Потому что у нас еще один труп!

– Тьфу ты! Час от часу не легче. Кто на этот раз?

– Убитый – какой-то инженер по фамилии Трусевич.

Зверев снова выругался и полез в карман за папиросами.

– И что? Корнев опять на меня всех собак спустить решил? Пусть Кравцов этим делом занимается или еще кто!

Сафронов виновато потупился и развел руками.

– Корнев сказал, чтобы вы этим делом занимались, потому что, судя по всему, в этого Трусевича стрелял тот же самый тип, который застрелил второго секретаря горкома.

Часть вторая. «Зверобои»

Глава первая

Когда дежурная машина подъехала к управлению, на улице уже стемнело. Зверев вышел из кабины, вошел в здание и, кивнув на ходу сидевшему за стойкой помдежу, не останавливаясь, проследовал в кабинет оперативного отдела. За своим начальником понуро шагал Евсеев. Тут его уже ждали Костин и Горохов. Зверев снял плащ, швырнул кепку на стол и уселся на стул.

– Ну, здрасте, давненько не виделись. Вчера Венька поесть не дал, сегодня Сафронов прикатил, когда мы ужинать собирались. Шурка, ставь чайник и принеси чего-нибудь пожрать, а то я с этой вашей спешкой впопыхах даже в рот ничего закинуть не успел. Живот гудит, как трубный оркестр, скоро, как Корнев, буду настойку алоэ на прополисе вместо водки и коньяка пить.

Горохов сбегал за водой, поставил на электроплитку потемневший от времени чайник и выложил перед Зверевым кусок сала и полбулки хлеба.

– Звиняйте, ничего другого нема!

– Сойдет! – Павел Васильевич вынул из верхнего ящика стола раскладной нож, порезал им хлеб и сало и, не дождавшись, когда чайник закипит, набросился на еду. Евсеев тут же присоединился к трапезе.

– Веня, давай кратко и без лишних подробностей, – с набитым ртом пробурчал Зверев. – Кто такой вообще этот Трусевич?

Костин, все еще сидевший за столом, тут же открыл лежавшую перед ним папку с очередным уголовным делом и зачитал:

– «Трусевич Ефим Семенович, пятого года рождения, уроженец села Заборье Витебской губернии, из крестьян. В двадцать четвертом окончил училище металлистов, работал в Витебске модельщиком на заводе «Коминтерн», в сорок первом ушел добровольцем на фронт, воевал на Северо-Западном. После войны перебрался в Псков, до недавнего времени работал инженером-технологом на литейно-механическом заводе «Выдвиженец». По работе характеризуется положительно, беспартийный. Женат, детей не имеет...»

Зверев, откусывая шкурку от сала, покивал:

– С характеристикой разобрались, теперь рассказывай, что с ним случилось.

– Картина примерно такая, – продолжил Веня. – Трусевич с женой проживают на Алексеевской. Сегодня утром он отправился на пустырь выгулять пса. На этот раз убийца стрелял в своих жертв со спины...

Зверев едва не подавился.

– Жертв? Так разве у нас не один труп?

– Трупов у нас действительно два. Убийца сделал два выстрела. Первой жертвой нашего охотника стал пес Трусевича, второй – он сам.

– Тьфу ты, черт, а я уж было подумал. Что за пес?

– То есть?

– Порода, спрашиваю, какая?

– А что, это так важно? – удивился Костин. – Я что-то этому значения не придаю! Вроде лайка, а может, и какая другая. С виду на обычную дворнягу смахивает.

– Понятно. Что еще?

– Первая пуля досталась псу. Так сказать, прошла собачку насквозь, так что найти ее не удалось. Вторая пуля застряла в голове хозяина; двенадцатый калибр, и очень похожа на те две, которые извлекли из тела Войнова.

Горохов наконец-то подал Звереву чай в фарфоровой чашке, майор сделал пару глотков.

– Кто обнаружил труп?

– Супруга убитого. Наш инженер должен был выгулять собаку и пойти на работу. Так как они долго не возвращались, жена Трусевича занервничала и пошла на то место, где они обычно выгуливали пса. Вскоре женщина увидела обоих – сначала Булата, а потом и мужа...

– Булат – это пес?

– Да.

– Похожий на дворнягу?

– Похожий на дворнягу.

– Или все-таки на лайку?

Веня чертыхнулся:

– Да откуда мне знать? Я же не собачник. Если очень нужно, можно будет у Логвина спросить или у Лени...

– Обязательно спросим.

– Да и какое это имеет отношение к делу?

– Прямое. Лайка – одна из лучших собак для охоты на крупного зверя.

Веня запнулся:

– Ты хочешь сказать...

– Хочу сказать, что наш убийца охотник. Так что если Трусевич тоже охотник, то это уже связь, – продолжал Зверев. – Эх ты, Венечка! Ладно, еще что?

– Найдя мужа и собаку, жена Трусевича вызвала милицию и «скорую», ну а дальше все как обычно...

– А ты с женой Трусевича, как я понимаю, уже пообщался? – уточнил Зверев.

– Шурка с ней общался. – Веня указал на Горохова.

– И он, как я понимаю, тоже не выяснил ничего про собаку?

Горохов виновато потупился.

– Какая порода, не выяснил.

– А что выяснил? Ты хотя бы спросил у жены Трусевича, был ли ее муж знаком с Войновым?

Шура закивал:

– Спросил. Она сказала, что не знает.

– И был ли Трусевич охотником, ты не спросил?

Шура и Веня переглянулись.

– Не спросил, – промямлил Горохов.

– Ну а звать-то ее как? Ты хоть это выяснил?

– Нина Елисеевна Боброва. Это ее девичья фамилия.

– Понятно. – Зверев откинулся на спинку стула, закурил очередную папиросу и зевнул. – Ладно, домой сегодня я, пожалуй, уже не пойду, лягу спать в дежурке. Ну все, можете все проваливать! Димка, тебя это тоже касается.

Евсеев с довольным видом закивал.

– Шура, откуда у нас такое сало взялось? – Павел Васильевич вытер пальцы газетой. – Как масло во рту тает.

– Тетка моя посылочку из Житомира прислала, – ответил Горохов.

– Не знал, что у тебя в Житомире родня. Фамилия у тебя вроде русская?

– Так тетка по материнской линии родня. У меня же мать хохлушка, а тетка ее старшая сестра.

– Вот умеют же украинцы сало солить! А в ящичке, в котором посылочка с Украины пришла, такое яство еще есть? – Зверев подмигнул Шуре, тот оскалился:

– Есть немного!

– Ну, тогда на завтрак мне немного принесешь... Хорошо?

– Да без вопросов, Василич!

– Тогда все свободны. Ах да... Шурка, про хлеб не забудь, – успел выкрикнуть Зверев, прежде чем Костин, Горохов и Евсеев вышли за дверь.

Когда Зверев, который проспал всю ночь на диванчике в дежурке, вышел из управления и увидел подъезжающую к зданию машину Корнева, он нырнул в кусты. Так как сегодня особого желания общаться со своим непосредственным начальником у Зверева не было, он просто дождался, когда Корнев выйдет из автомобиля и войдет в здание, и только потом вышел на тротуар. Закурив на ходу, Павел Васильевич улыбнулся и направился к автобусной остановке. Однако тут его окликнули:

– Павел Васильевич, куда это вы так торопитесь?

Зверев обернулся. В сером плаще и бесформенной фетровой шляпе в его сторону шагал Кравцов. Зверев оскалился:

– Здравствуй, Витенька! Спешешь на работу?

– А вы, товарищ майор, никак наоборот – решили с работы смотаться?

– Почему же смотаться? Я оперативник, мне не в кабинете сидеть положено, а с людьми общаться, улики искать, людей опрашивать. Это вы – следователи – больше в кабинетах штаны протираете!

Кравцов скрипуче рассмеялся.

– Ну да, ну да! Как говорится, кесарю кесарево... Значит ли, что я должен Корневу передать, что вы пошли улики искать и людей опрашивать?

– Так и передай, Витенька. Так и передай.

Кравцов манерно покачал головой.

– Расстроится ведь полковник. Он ведь так встречи с вами искал. Машину специально в Славковичи прислал, чтобы вас у себя лицезреть да ваши соображения по новому преступлению услышать. Но раз у вас для него нет десяти минут, то тогда идите куда шли. А я к Корневу зайду, сообщу о том, как вы от него в кустах прятались, и будем мы с ним дальше, как всегда, в своих кабинетах штаны протирать.

Не дожидаясь ответа, Кравцов манерно козырнул, крутанулся на каблуках и быстренько взобрался на крыльцо.

– Вот же гаденыш! – Зверев оскалился, сплюнул и пошел к автобусной остановке. Спустя полчаса Зверев уже был на Алексеевской.

Квартира Трусевичей располагалась на первом этаже четырехэтажной сталинки, имела две смежные комнаты, душевую и просторную кухню. Чистые полы, ни малейшего следа осевшей пыли и зеленые цветочки в глиняных горшках так и дышали свежестью. Стандартный набор старенькой мебели, выцветшие фотографии на стенах, люстра с висюльками и большие настенные часы с маятником создавали уют и гармонию. Предметов роскоши здесь не было, за исключением старинного трехстворчатого трюмо с резным столом и подставкой из красного дерева, явно не вписывающейся в общий серенький интерьер жилища семьи Трусевичей. Такой же серенькой являлась и сама хозяйка квартиры.

Супруга убитого накануне инженера оказалась слегка сторбленной и близорукой женщиной лет сорока пяти – худой, бледной как мел, без всякого намека на привлекательность. Облаченная в выцветший синенький халат и клетчатые матерчатые тапки, Нина Елисеевна носила очки с толстенными стеклами, и, видимо, поэтому, когда Зверев представился и показал жен-

щине удостоверение, та, прежде чем впустить гостя в квартиру, долго изучала предъявленный документ. Наконец хозяйка квартиры пригласила Зверева в гостиную и указала на один из скрипучих стульев. Сама же села в вытертое велюровое кресло, как-то еще больше съежилась и довольно холодно заметила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.